

ДИАКОН АНДРЕЙ КУРАЕВ ПОКАЗАЛ ЯРКОЕ ШОУ —

РАЗОБЛАЧЕНИЕ РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» КАК САТАНИНСКОГО

Небесная музыка. Исполняется не впервые

КАРЬЕРА

Александр СОЛДАТОВ

Неформальное, но почетное звание «Диакон всея Руси» Андрей Кураев получил в 91-м, когда новоизбранный патриарх Алексей II привлёк талантливого выпускника духовной семинарии к составлению своих речей и интервью. Изпод пера о. Андрея выходили довольно экстравагантные тексты, в которых глава РПЦ вычурным языком рассуждал о нравственном императиве Канта и христианской этике Кафки. Референтство молодого диакона при дворе патриарха было ярким, но недолгим. По «наветам злых человек» Кураева уволили из патриархии. Так в 92-м начался в его жизни период «мягкой опалы» — его не клеймят на богословских конференциях, подобно о. Георгию Кочеткову, но и не рукополагают в сан священника. Его молчаливо держат на расстоянии...

Опальное положение развязало ему руки. Он стал законодателем и самым ярким представителем нового сословия — церковных шоуменов. Главный инструмент церковных шоуменов — слово, но очень необычное, а потому интересное и, как правило, скандальное.

Это слово родилось в результате беспорядочного скрещивания православной риторики и молодежной фени. Этот гибрид приятно щекочет нервы как людям воцерковленным, так и «думающей» части нашей молодежи, почему-то не желающей воцерковляться.

Кураев против Воланда

Жанр, в котором работает о. Андрей, его недоброжелатели окрестили «богословской полпой». Ученый диакон увлекает публику острыми афоризмами, жонглирует богословскими парадоксами. Главное — темы его лекций и книг всегда предельно созвучны интересам толпы, всегда «на злобу дня». Таков суровый закон шоу-бизнеса, где только спрос рождает предложение. О чем только ни писал о. Андрей! Об оккультизме и «ерихнутых», о «еврейском вопросе» и террористической сути ислама, о рок-культуре и Достоевском... И если уж о. Андрей берется писать — обязательно жди разоблачений и сенсаций. Закон жанра.

Самая свежая книга о. Андрея посвящена роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» — этому «евангелию советской интеллигенции». Кстати, интеллигенция — предмет его постоянной «любви-ненависти». Ее судьба, ее «путь к храму» страшно беспокоят отца диакона, но вместе с тем ее гордыня, ее брезгливое отношение к «вере простого народа» и генетическое стремление ко всякому оккультизму его страшно раздражают. Своей

Андрей Кураев, Юрий Шевчук, Борис Гребенщиков, Константин Кинчев: кто у кого на подпевках?

«богословской критикой» романа о. Андрей как раз и бросает очередной вызов родному сословию — интеллигенции.

Книжка «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? (Издательский совет РПЦ) начинается с предельно понятного любому литературоведческого анализа. Вот окончательная версия романа, которой многие зачитывались в юности, а вот черновики, о которых мы и не слышали. Вот о. Андрей, постоянно сравнивающий одно и другое, выявляет христианскую сущность черновики и сатанинскую — окончательной версии. Такой вот немудреный в общем-то метод. Но как интеллект с большой буквы о. Андрей постоянно отвлекается во всяческие лирические отступления. И здесь начинается шоу — как назвал бы его сам о. Андрей, «шоу Инквизитора». А какое любимое занятие у инквизитора? Правильно: жечь и вешать.

В предисловии о. Андрей решительно заявляет: «пилатов главы» романа настолько кощунственны, что их даже нет смысла анализировать. Однако по мере «погружения в тему» он срывается и с особым азартом начинает комментировать

именно эти «пилатов главы». В инквизиторском запале о. Андрей восклицает: «В этом романе оправдан Пилат. Оправдан Левий, срывающийся в бунт против Бога... Оправдан даже Иуда, кровью своей искупивший свое предательство... Следующим амнистированным распинателем становится сатана. Нужны еще доказательства сатанизма романа?

Не обходит о. Андрей стороной и проблему «русского народа-богослава». Рассуждая о том, что в булгаковской Москве не находится места главному национальному символу — храму Христа Спасителя, диакон заключает: «Сквозняк, образовавшийся в возникшей от этого пустоте, и затянул в Москву

«знатного иностранца». Да, тот, кто был «иностранцем» для «святой Руси», теперь является как полновластный хозяин». Ну-ка, дети, скажите, кто был главным «иностранцем» для «святой Руси»?..

Попса — в небеса

«Попса в небеса» — так окрестили скептики регулярные фестивали «Рок к небу», проходящие с неизменным участием диакона Андрея Кураева. Специалисты говорят, что серьезные рок-музыканты отказываются участвовать в этих шоу, профанирующих Евангелие

Андрей Кураев, Юрий Шевчук, Борис Гребенщиков, Константин Кинчев: кто у кого на подпевках?

до уровня загрузившейся пивом шпаны с питерских окраин. Главным действующим лицом фестивалей, в тени которого скромно чернеет рыса отца диакона, является г-н Кинчев — благочестивый православный христианин, имеющий духовного отца и воздерживающийся от выступлений во время церковных постов. Питерский ценитель рока и бывший коллега о. Андрея иеромонах Григорий (Лурье) так описывает устроившего «Рока к небу»: «Кинчев как аппетитный и сильно пахнущий кусок мяса и солидные рокеры двадцати и тридцатилетней выдержки — как гарнир. Значение фестивалей «Рок к небу» аналогично Первому съезду советских писателей в 1934 году, где Кинчев играет роль Максима Горького, а почтенные БГ и Юрий Шевчук — роль писателей-попутчиков».

Проповеди о. Андрея перед рок-аудиторией звучат поэтично, но едва ли адекватно образу мыслей этой аудитории: «Человек тем отличается от животного, — объясняет диакон тинейджерам, — что животное просто живёт, а человеку нужен повод к жизни...».

А вот в проповеди на акции «Поколение 2050», где среди толпы от-

четливо проглядывали группки скинхедов, о. Андрей затронул и «национальный вопрос». «Уже целое столетие, — утверждал он, — жители России различаются по тому, как они обращаются со словом «русский». Для одних это слово имеет право звучать только в таких словосочетаниях, как «русские бандиты» и «русские пьяницы». А для нас слово «русский» уместнее в таких понятиях, как «русская вера», «русский характер», «русская наука»... Мы можем себе позволить поступок — открыто признаться, что «в наших жилах кипит небо славян». Что сделать для того, чтобы морской собор не стал морской мечетью? — Сделайте больше русских детей!» (Заметим, что сам о. Андрей не женат.) В этой проповеди впервые прозвучали те нотки, которые о. Андрей превратил в мощное кредо после Беслана.

«Меня печалит отсутствие православного терроризма. Если тебя бьют в самые болевые места, а ты никак не реагируешь, то одно из двух: или ты свят — или ты мертв. Поскольку у меня нет оснований считать свой народ в его нынешнем состоянии святым, то отсутствие реакции на бесконечный поток оскорблений и провокаций — это, скорее, очень печальный признак угасания жизни вообще». На Кавказе жизнь не угасла, но, оказывается, не всем дозволено жить.

О. Андрей стал первым, кто гласно, со страниц центральной газеты, назвал теракт в Беслане «религиозным преступлением». И еще присвоил популярный в православно-патриотической среде штамп: «Ритуальное убийство». «Может быть, терроризм — это следствие искаженного понимания Корана, — рассуждает диакон. — Но ведь именно Корана, а не книги о Винни-Пухе. И у истоков этого искажения стоят ученические исламские мужи (улемы), а не безграмотные арабские скинхеды. Мир ислама ответственен за исламский терроризм — хотя бы тем, что отказывается увидеть эту свою ответственность». Раз война с терроризмом имеет религиозную окраску, заключает о. Андрей, то участвовать в ней можно только под религиозным знаменем. В нашем случае — знаменем православия. Этим и будет оправдан «православный терроризм».

Отец Андрей Кураев, безусловно, яркая фигура, особенно на тускло церковном небосклоне. Наверняка многим интеллигентам он помог найти свой путь к вере. Но с определенного момента сокровенный диалог «от сердца к сердцу» был вытеснен в жизни о. Андрея тем самым шоу — зрелищем, происходящим то на сцене дома культуры, то на экране телевизора. А шоу-бизнес требует жертв ради поддержания стабильного уровня популярности.